

ШАМАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Юрий Михайлович ВАСИЛЬЕВ,
кандидат исторических наук

*Их знаки, сколько не грызи,
Не пища для сухих умов
Но, духи, если вы вблизи,
Ответьте мне на этот зов!*
Гете. «Фауст»

Давно ли многие с нетерпением ожидали сеансов недавних современных «шаманов» — А. Кашпировского и А. Чумака: настраивались на добродетели, пили «заряженную» воду и натирались «заряженными» кремами? И это в наш просвещенный век! А что же говорить о «делах давно минувших дней...»?

В литературных произведениях советских писателей шаманы всегда были представителями темного и отсталого мира, корыстными, глупыми и злыми людьми, шарлатанами. Пример такого шамана — Бичинга в романе Н.П. Задорнова «Далекий край». Однако в жизни существует семь цветов, неправильно все окрашивать в одну краску.

В истории религии шаманизм — одно из интереснейших явлений. Это течение наряду с христианством, мусульманством и буддизмом по своему распространению и значимости вполне могло бы претендовать на роль четвертой мировой религии. Нет, наверное, ни одного народа, который на определенной ступени своего развития миновал бы это политеистическое верование. Однако, когда и на каком этапе той или иной археологической культуры появился шаманизм, и был ли он в ней вообще, — вопрос сложный. Какой-то этнос, конечно, мог обойтись без шаманов или колдунов. Это становится ясно, если обратиться к одному из наиболее древних представлений, существовавших долгое время без шаманизма и параллельно с ним и явившихся одной из его основ — анимизму. Долгое время это была одна из простейших форм религиозных представлений, пронизывавшая жизнь многих народов.

Вот герой произведений В.К. Арсеньева Дерсу Узала, всю свою жизнь проживший в уссурийской тайге. Рассказывает В.К. Арсеньев:

«Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодичной свиньей. Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый люди, — сказал он про кабана с клыками. — Его худо кушай, мяса мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

— Его все равно люди, — подтвердил он, — только рубашка другой. Обмани понимай, сердишь понимай, кругом понимай! Всё равно люди...

Для меня стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому всё окружающее он очеловечивал¹.

Но олицетворял Дерсу и предметы неодушевленные.

«Чёрт знает, что за погода, — говорил своему спутнику В.К. Арсеньев. — Не то туман, не то дождь, не разберёшь, право. Ты как думаешь, Дерсу, разгуляется погода или станет еще хуже?»

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошёл дальше. Через минуту он остановился и сказал:

— Наша так думай: эта земля, сопка, лес — всё равно люди. Его теперь потеет. Слушай! — Он насторожился. — Его дышит, всё равно люди...

Он пошел снова вперед и долго ещё говорил мне о своих воззрениях на природу, где всё было живым, как люди².

Однако шаманизм был более сложной формой мировоззрения, чем анимизм, и обойтись без «специалиста», «служителя культа» — шамана, не мог. Если раньше каждый сам общался с духами и приносил им свои жертвоприношения, то теперь общение с ними брал на себя профессионал. Да и не каждый мог быть шаманом: большую роль в этом играло «избранничество».

Если у анимистов духи могли навредить, помочь или быть нейтральными в зависимости от того, как сумели их задобрить (коррупция, правда, абстрактная и по крохам, зародилась еще в те далекие времена!), то здесь уже происходит специализация духов, их деление прежде всего на добрых и злых, которых шаман изобретал и «олицетворял» сам. Однако по сути все они вышли из анимизма, к которому примешивались магия и тотемизм, одухотворенные фантазией колдуна. Важно, что реальный мир в шаманизме делится на два или три параллельных, в которых живут реальные люди и другие существа, умершие и их души. Духи же способны обитать во всех мирах.

Если в мировых религиях человек ничтожен и унижен перед богами, то в шаманизме более всего видно стремление шамана выступать не только на равных с сильными духами, но даже повелевать ими и подчинять их своей воле, особенно слабым. И очень редко — просить.

С течением времени и среди шаманов началось расслоение «по силе» на великих, средних и слабых³, причем многие «сильные» шаманы благодаря своим исключительным способностям перерастали потребности своего рода и принимали активное участие в межродовых, межобщинных и межплеменных делах. Известны случаи, когда шаман был и предводителем рода или племени, военачальником.

Трудно подобрать термин, чтобы точно определить функции шамана. Можно сказать, что это «универсальный солдат». Шаманы были хранителями многочисленных народных традиций, знаний и легенд, гадалками, целителями, «врачами-психотерапевтами», поскольку многие владели не только индивидуальным, но и массовым гипнозом. Шаман был прекрасным психологом и, пожалуй, неплохим диагностом: он никогда не брался врачевать неизлечимые болезни. Однако и в этом случае при помощи гипноза он мог снять боли, настроить на выздоровление, способствовать мобилизации скрытых внутренних сил организма. И человек мог излечиться или протянуть еще несколько лет.

Шаман был защитником не только сородичей, но и их душ и поэтому не знал покоя, постоянно находясь в состоянии борьбы и войны со злыми духами и другими шаманами, в которой участвовали сотворенные им его многочисленные помощники. Прекрасный актер и психолог шаман мог без наркотических средств или галлюциногенов доводить себя до экстатического состояния, что еще более повышало его авторитет.

Мы не ставим своей целью освещение вопросов происхождения и развития шаманизма. Об этом написано много. По мнению С.М. Широкогорова, «...шаманство в той норме, как это наблюдается теперь, судя по некоторым

данным, отнюдь не является древнейшим явлением, и у некоторых тунгусов, по утверждению их самих, оно с трудом насчитывает 2—3 столетия. Несколько старше шаманство, видимо, у манджуров»⁴.

Но нас интересует достаточно важный вопрос: существовал ли шаманизм у носителей покровской археологической культуры и на какой основе выделены шаманские погребения В.Е. Медведевым? Вопрос далеко не праздный, поскольку у этого исследователя начиная с этнического наименования культуры и поиска аналогий с чжурчжэньским летописным этносом и аборигенными народами Приамурья подход целиком ошибочен.

В ряде своих работ В.Е. Медведев много места уделяет обоснованию существования шаманизма и даже наличия женщин-шаманок, ссылаясь при этом на обычаи *летописных* чжурчжэней⁵.

Обратимся к тексту его книги «Средневековые памятники острова Уссурийского» и рассмотрим четыре погребения Корсаковского могильника (№№ 90, 277, 320 и 323)⁶. Впоследствии три из них были обозначены им как погребения шаманок. Для наглядности в первом столбце оригинала, а во втором наши комментарии (сноски в тексте В.Е. Медведева убраны).

Погребение 90 располагалось под галечной наброской. Она была зачищена в центре раскопа, у бровки, и перекрывала погребение 90. Края россыпи частично охватывали также погребения 88 и 98. Это позволяет считать, что они оставлены раньше, чем погребение 90.

Могильное пятно описываемого погребения больших размеров: длина 305 см, ширина около 110 см. При выборке заполнения могильной ямы возникло предположение, что могила была вырыта на месте другого погребения, отчего и образовалась большая яма.

Но стратиграфический разрез погребения не подтвердил это предположение. Могильная яма прямоугольной с округленными углами формы, вытянута с северо-запада на юго-восток, глубина ее достигала 120 см.

Могила заполнена темно-серым песком со значительной примесью мелких галек. Это единственная в раскопе V могила с галечным заполнением.

На дне могилы, ближе к северо-восточной стенке, лежали полусгнившие остатки небольшого костяка с сохранившимся широким тазом. По расположению таза, позвонков и правой бедренной кости можно предположить, что умерший положен на спину. Однако разбросанность других частей костяка (череп приподнят над остальными костями и неестественно перевернут лицом вниз, вокруг черепа отмечены трубочатые кости: с восточной — очевид-

Обратите внимание, что здесь говорится о «галечной наброске», а ниже уже о «значительной примеси мелких галек» в заполнении могилы и сразу же о «галечном заполнении».

Предположение не лишено здравого смысла, поскольку северо-западная граница могильной ямы и гроба четко определена сосудами, стоящими в изголовье. К тому же в этой части могилы есть рассеянный инвентарь. Но возможен и другой, более правильный вариант: северо-западная часть могилы получилась такой вследствие эксгумации, проведенной, когда погребение потеряло свои наземные признаки.

Поскольку эксгумации проводились вскоре после похорон, то в однородном грунте трудно проследить перекопы.

Темно-серый песок заполнения — следствие диффузии разложившегося трупа и древесины гроба.

«Широкий таз» как раз и мог бы явиться основой верного определения данного скелета как женского. Но, скорее всего, это результат развала его давлением земли. Именно «разбросанность других частей костяка» безошибочно свидетельствует об эксгумации, которая была совершена, когда еще все связки не сгнили. Об этом говорят

но, берцовая, с западной — плечевые) не позволяет сказать более конкретно о положении умершего в могиле.

Похоже, что вместе с труположением в могиле оставлены кости вторичного захоронения. Это видно по остаткам челюсти и зубам, разбросанным в ногах погребённого по обряду труположения. Здесь же были другие кости — трубчатые и позвонки. В ногах отмечена также достаточно сильно разрушенная гниением фаланга лошади. Слева от таза залегали челюсти человека, причем одна из них, видимо, детская.

С умершими оставлен обильный и достаточно разнообразный инвентарь. С северо-западной и западной стороны черепа располагались четыре сосуда — три станковые (в них два дольчатых) и лепной. Еще один лепной и станковый сосуды положены в ногах умершего. В разных местах погребения, в том числе в ногах, залегали бусины из халцедона и бисерины из цветного стекла. Около северо-восточной стенки могилы, рядом с сосудами, выявлены три обломка нефритовой подвески. Справа от черепа встречена бронзовая подвеска оригинальной формы, здесь же, на остатке дощечки, лежали обломки прямоугольной ажурной поясной бляшки. Помимо этого, еще две подобные бляшки отмечены в области таза и в северо-западной оконечности могилы. В ногах, неподалеку от сосудов, найдены шесть наконечников стрел и железный предмет, видимо, кресало. Справа от ног залегала бронзовая пряжка с неподвижным язычком.

В заполнении могильной ямы отмечены остатки станковых и лепных сосудов; кроме того, здесь найден нож и неопределенный обломок железного предмета. Фрагменты сосудов выявлены также на могильном пятне, где вместе с ними лежали зубы лошади.

Погребение 277. Могильное пятно подпрямоугольной формы с округленными углами и с выступом с южной стороны (по длинной оси оно вытянуто с востока на запад); длина пятна 215 см, ширина без выступа 78—93 см, с выступом — 127 см. Могильная яма в основном таких же, как и пятно, размеров и формы, лишь сверху она была, видимо, обрушена во время захоронения, поэтому внизу яма уже, т. е. имеет подпрямоугольную форму.

В восточной половине могилы — сгоревшие куски древесины, местами они в виде широких плашек, расположенных в форме

соединенные вместе правые локтевая и лучевая кости, находящиеся за остатками черепа умершего.

Прежде всего это двойное погребение — взрослого и ребенка. В пользу этого предположения свидетельствует расположение керамики двумя группами: «детская» челюсть и «фаланга лошади» — бабка. Бабки были детскими игрушками.

Четыре сосуда — это по два на каждого умершего.

«Остаток дощечки» — явное наличие гроба.

Разбросанный инвентарь говорит об эксгумации.

Зубы лошади — это постэксгумационное жертвоприношение.

Важно обратить внимание на эту деталь «обрушена»! Поэтому яма внизу уже. Как раз это-то и говорит о том, что могила была разрыта и внутреннее ее состояние подтверждает это. То, что яма внизу уже, свидетельствует, что раскопки-поиски несколько человек вели с разных сторон. Сгоревшие куски древесины подтверждают, что после эксгумации было проведено «огневое обезвреживание».

прямоугольника. Обкладка устраивалась лишь в верхней части могильной ямы и сжигалась здесь же, о чем свидетельствует мощный углистый слой в верхнем ее заполнении, в нижнем же слое заполнения очень мало или совсем нет углистых примесей. Вероятно, покойного сначала присыпали песчаным грунтом, взятым из могилы, затем на нем разжигали кострище, в котором сгорала обкладка стенок могилы.

В могиле сохранились полуистлевший череп, бедренные кости, а также фрагменты костей левой руки и ребер. По расположению черепа и бедер видно, что умершего положили на спину, подогнув в коленях ноги. Головой покойного ориентировали на восток. С умершим положено, по крайней мере, три или, вероятнее всего, четыре наборных пояса, которые украшались 61 бляшкой прямоугольной формы с тремя зонами прорезей и с верхним зубчатым краем. Первый пояс, надо полагать, самый богатый, лежал примерно под спиной погребенного. Он состоял из девяти бронзовых с позолотой на лицевой стороне одинаковых бляшек (шесть бляшек лежали под ребром тыльной стороной вверх, три бляшки — по бокам — лицевой стороной вверх), а также из нескольких бронзовых бляшек, рассеянных в области головы и живота. Второй пояс, очевидно, самый большой, положен сверху на живот погребенного. Бляшки этого пояса лежали плотной цепочкой длиной около 60 см поперек погребения; под ними сохранились позеленевшие от окиси меди позвонки и кусочки древесины. В комплекс (около 20 экз.) входят главным образом бронзовые украшения. У нижнего края многих бляшек — по два выреза для подвешивания на шарнирах бубенчиков: три бляшки сохранились с подвешенными бубенчиками (по два у каждой), еще десять бубенчиков залегают вплотную к бляшкам или поблизости от них, один бубенчик — под черепом. Третий пояс оставлен слева от покойного, он как бы продолжает цепочку бляшек второго пояса. Бляшки, окружавшие амфоровидный сосуд, стоявший слева от умершего, формой и размерами в целом не отличаются от бляшек второго пояса. Рядом с бляшками третьего пояса отмечены небольшая халцедоновая галька, а также железный предмет неизвестного назначения и две бронзовые пластинки. Четвертый пояс или часть его сложена слева от ног. В этот комплекс входят шесть бляшек и бубенчик; другую часть четвертого пояса могли положить вместе с третьим поясом.

С умершим лежали и другие украшения. Сверху на черепе была бронзовая шпиль-

«Обкладка» не что иное, как гроб. После засыпки горевшего гроба землей огонь затухал, и с течением времени части гроба, нетронутые огнем, истлевали.

Покойного песчаным грунтом не присыпали. Вначале на *костях* разжигали костер, а только потом гроб засыпали.

Это погребение двойное. Об этом говорит расположение сосудов *двумя* группами, ширина и форма могилы.

Четыре пояса как раз и соответствовали двум погребенным: у каждого было по два пояса. Один одет, а второй лежал отдельно. Причем, по всей вероятности, вторые пояса были положены в погребение уже после эксгумации.

Каким же образом при труположении эти бляхи оказались рассеянными «в области головы и живота»?

Этот пояс был положен в погребение как пожертвование при эксгумации.

Кусочки древесины — остатки днища гроба.

Этот пояс принадлежит второму покойному, поэтому и лежит *слева* от первого умершего.

И этот пояс также лежит *слева* и тоже положен при эксгумации. Все пояса были преднамеренно повреждены, поэтому-то бляхи и «рассеяны».

Первоначально «хозяин» могилы охарактеризован как «*умерший*», т. е. лицо *муж-*

ка для волос с массивной позолоченной головкой. Другая подобная шпилька зачищена чуть левее черепа.

Найдено шесть серег и шесть нефритовых подвесок. Из них пять серег — в области верхней части груди (сверху), причем три серьги (у двух из них — подвески) соединены друг с другом в виде цепочки, две другие тоже соединены. Одна серьга залегала примерно над животом умершего — сверху в заполнении могилы; здесь же — обломок нефритовой подвески. Две разбитые подвески (на две и на четыре части) найдены ниже подбородка погребенного.

В могиле обнаружено семь сосудов — два станковых (глубокая чаша с ручками и бочонковидно-округлый) и пять лепных (из них три амфоровидных с вертикальной шейкой и налепным венчиком-ребром вдоль кромки венчика и два вазовидных). Станковые располагались в северо-восточном углу могилы, в изголовье костяка; два амфоровидных — поставлены в центральной части, один из них над покойным в заполнении; третий амфоровидный сосуд стоял в юго-восточном углу могилы, тоже в изголовье. Здесь же — вазовидные сосуды, причем один из них положен внутри другого.

Справа от костяка, примерно у плеча покойного, обнаружены железный кинжал и фрагмент (острие) палаша, здесь же — пластинчатый обломок кварца, подобный же обломок лежал в чаше. В ногах умершего, неподалеку от бляшек четвертого пояса, залегали три железные пилки. Еще одна находка — костяная пластина, возможно щиток, предохраняющий руку при стрельбе из лука, — обнаружена в бочонковидном сосуде. При разборке углисто-го заполнения могилы в ее центральной части встречены куски обожженной бересты. Под умершим, благодаря окиси меди от бляшек, сохранились кусочки древесины, бересты, меха и зерна проса.

Погребение 320. Могила прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ее: длина 152 см, ширина 73—87 см (ко дну несколько расширяется), глубина 123 см.

От погребенного сохранились несколько фрагментов черепа (главным образом затылочная кость), полуистлевшие бедренные, правая берцовая, тазовая кости, поясничные позвонки, правая локтевая кость и фрагмент этой же руки. Помимо этого, под черепом залегали полусгнившие

ско-го пола. Но в дальнейшем головные шпильки приводят В. Медведева к выводу-силлогизму: шпильки носят женщины... Здесь найдены шпильки, значит, умерший — женщина.

Как объяснить, что серьги залегают в разных местах, что две разбитые подвески... найдены ниже подбородка погребенного? Только эксгумациями.

Сосуды — глубокая чаша с ручками и бочонковидный округлый — принадлежат костяку № 1. Чаша стоит на боку. Как она могла быть в таком положении при погребении? Третий сосуд этого умершего поставлен «над покойным в заполнении». А каким же образом он мог занимать такое положение?

Еще один амфоровидный «стоял» так же, как и над первым умершим, только здесь совершенно не сохранилось костей.

В юго-восточном углу могилы, в изголовье второго костяка, которого, видимо, попросту выбросили из могилы, находился амфоровидный сосуд и два вазовидных. Сосуд мог быть положен внутри другого при эксгумациях.

Этот инвентарь чисто мужского назначения: кинжал, обломок палаша, три железные пилки и защитный щиток для руки лучника.

Куски обожженной бересты и кусочки древесины — остатки днища и частей гроба.

Расширение ко дну — свидетельство наличия гроба.

Здесь пол определен как *мужской* — «погребенного».

Затылочная кость — свидетельство преднамеренного разрушения лицевой части черепа. Точно так же и полуистлевшие и полусгнившие кости, зуб «рядом с правым

небольшие трубчатые кости, рядом с правым бедром — зуб человека. В области таза и живота, на дне могилы выявлен древесный тлен и полусгнившие полоски войлока и ткани. Покойный положен на спину: ноги в коленях подогнуты, головой ориентирован на запад с небольшим отклонением на север. Руки вытянуты вдоль туловища, правая положена на живот. Непонятны кости, лежавшие под черепом, и зуб около бедра.

В могилу, видимо, все вещи не вмещались, поэтому три сосуда (из пяти найденных) оставлены над умершим после того, как его слегка присыпали песком. Так, у восточного края могилы стоял большой шаровидный станковый сосуд со штампованным узором. С западной стороны к нему примыкал еще один станковый сосуд в виде большой вазы со слегка поврежденным дном. Третий сосуд лепной, располагался ближе к западному краю могилы; здесь же встречена бронзовая бляшка от пояса. Четвертый по счету сосуд (лепной) лежал в ногах погребенного, пятый (станковая орнаментированная ваза) — справа от головы. Под черепом залежали халцедоновые и стеклянные бусины. Бусины встречены также вокруг черепа, в области груди, пояса; несколько бусин — около ног. Всего найдено 47 бусин, изготовленных из халцедона, синего стекла, агата, из стекла с золотой прослойкой, нефрита и стекловидной пасты. Под черепом и рядом с ним встречено не менее десяти небольших округло-выпуклых бронзовых (очевидно, посеребренных) бляшек. Справа и слева из-под затылочной кости черепа торчали две шпильки для волос с бронзовыми позолоченными головками и железными ножками. Около черепа, в основном справа, залежало несколько бронзовых бубенчиков, здесь же обнаружены серебряные серьги и разломанные нефритовые подвески к ним. Серьги и разбитые подвески встречены, кроме того, в области груди, живота, таза и ног. Всего обнаружено семь серег, четыре разломанных

бедром» и проч. — свидетельство эксгумации.

Древесный тлен и полоски древесины на дне могилы говорят о том, что у гроба было дно, которое застилалось войлоком и тканью.

По опубликованному плану погребения вообще трудно найти следы правой руки. К тому же автор перепутал левую руку с правой. Судя по всему, именно левая рука была положена в районе пояса, и говорить, что руки вытянуты вдоль туловища просто некорректно. Немаловажно в археологии дать точное и грамотное описание погребения. Это *дело совести*, а трактовка его — *дело разума* исследователя. Кости под черепом и зуб около бедра потому-то и непонятны, что это результат эксгумации. Заметьте себе, что впоследствии в обосновании погребения как шаманского эти кости сыграют роль «исключительности».

Эти сосуды либо были *вынуты* из гроба при эксгумации, либо *добавлены* во время ее. Все зависит от изначальной высоты гроба.

Не под черепом, а под *затылочной* костью. Естественно, что при эксгумации бусины оказались рассеянными по могиле.

Впоследствии именно эти две шпильки привели к странной метаморфозе — изменению пола погребенного и превращению умершего в женщину-шаманку.

Каким же образом серьги и разбитые подвески к ним обнаружены в области груди, живота, таза и ног? Может быть, их там где-то носили? В нынешнее время так

подвески и обломки еще двух подвесок. На умершем было надето два наборных пояса. Первый пояс надет примерно в области живота. Сохранились фрагменты толстого кожаного ремня с лежавшими на нем бляшками с зубчиками вверх. Ремень сохранил красный цвет краски, которой он был покрашен с внешней стороны. Для бляшек специально прорезали по четыре отверстия, в которые они вставлялись петлями. В набор входит 20 бляшек размером в основном 5,3×4 см. У всех бляшек внизу имеются выемки для подвешивания бубенцов, у шести бляшек прикреплены (на шарнирах, иногда на нитках) шаровидные бубенчики, причем у пяти — по два бубенца, у одной бляшки — пять бубенцов (два внизу и три сбоку). Большинство бляшек с позолотой на лицевой стороне. Помимо бубенчиков с правой стороны к поясу (к бляшкам) прикреплялись четыре бронзовые двузубые конусовидные подвески. Внутри подвесок обнаружены зерна проса, отверстие заткнуто тряпочкой. Зерна также выявлены внутри некоторых бубенчиков. С левой стороны у пояса была приделана сердцевидной формы с ушком вверх (в нем сохранился шнурок) подвеска. Тыльная сторона ее отполированная и слегка выпуклая, лицевая — позолочена, со сложным изображением. Изделие лежало у левого края пояса под двумя бляшками, лицевой стороной вверх. Короткий шнурок, на котором прикреплялось изделие, и расстояние до бляшек свидетельствуют о том, что оно подвешивалось вплотную под бляшками. Также с левой стороны пояса были подвески в виде пряжек с неподвижным язычком и двумя бубенчиками снизу. Эти подвески залежали чуть в стороне от сердцевидной подвески, ближе к черепу. Среди бляшек верхнего ряда найдена пряжка.

Второй пояс проще. Он располагался ниже первого пояса, вплотную к нему, чуть выше таза. От него также сохранились куски ремня (шириной 5,5 см), покрытого красной краской. В наборный комплекс входят 15 бронзовых бляшек (они в основном меньших размеров, нежели у первого пояса, без позолоты и бубенчиков), у трех бляшек имеются выемки для прикрепления бубенцов. Зачистка под поясами показала, что надевались они не на верхнюю одежду, а, скорее, на какую-то легкую. Это стало ясно после того, как под нижним рядом бляшек второго пояса, лежавшим под поясничными позвонками, обнаружилось несколько слоев грубой ткани, к которой прикреплялись снизу другие бронзовые украшения — округло-выпуклые и продолговатые бляшки,

и делают (пирсинг). А попросту — это следствие эксгумации.

Бляхи пояса предназначены для шарнирных петелек бубенчиков, двузубые конусовидные подвески (колокольца) никогда таких ушек не имели, а, значит, были предназначены для других целей. Это *амулеты*, о чем может свидетельствовать «подкормка» их зернами проса.

Именно этот пояс будет надет на покойного, о чем говорят остатки поясничных позвонков. Первый же пояс был положен сверху и очень возможно, что после эксгумации.

лежавшие лицевой стороной на войлоке и тканях, покрывавших, как отмечалось, деревянное дно могилы. Округлые и удлиненные бляшки залегали правильным непотревоженным комплексом (длина его поперек могилы 36,5 см), плотно одна около другой. Вверху цепочкой размещались округлые, ниже, вплотную с ними — продолговатые. Первых найдено (*in situ*) 26 экземпляров, вторых — 32. По всей видимости, это фрагменты нашивного украшения наспинника. Справа от костяка лежал железный нож в берестяных ножнах и наконечник стрелы. Еще один наконечник встречен в ногах погребенного, у стенки могилы, здесь же — круглая выпуклая бляшка. Рядом с правой берцовой костью выявлена, возможно, пилка. Вокруг могильной ямы прослеживался ровик (шириной 5—25 см) в форме прямоугольника. Глубина ровика, являющегося, наверное, остатком какой-то оградки или другого сооружения, до 15 см от уровня появления пятна.

Погребение 323. Могильная яма прямоугольная с округленными углами, вытянута с юго-востока на северо-запад. Размеры ее 182×100 см, глубина 135 см. На могильном пятне отмечены фрагменты станкового корчаговидного сосуда и зубы лошади (фрагменты челюсти). В заполнении могильной ямы — угли, головни. Вдоль стенок встречались сгоревшие плашки, возможно, обкладка. В углистом грунте заполнения могилы обнаружены обгоревшие фрагменты бересты с тисненым орнаментом.

Костяк не сохранился. Отмечен лишь костный тлен, где лежали череп да фрагмент левой бедренной кости. По ним можно предположить, что умершего положили на спину, ориентируя головой на запад с отклонением на север. На умершем (скорее всего умершей, был надет наборный пояс, залегавший поперек могилы, нижний ряд прямоугольных бронзовых бляшек лежал тыльной стороной вверх (эти бляшки несколько меньших размеров по сравнению с бляшками верхнего ряда). Верхние и боковые бляшки (среди них семь бляшек с шаровидными бубенцами) лежали лицевой стороной вверх. Всего найдено 17 прямоугольных бляшек, кроме того, две таких же бляшки встречены у юго-западной стенки могилы в слое заполнения. В верхнем ряду бляшек слева находилась круглая бронзовая бляшка с прорезями. К этой бляшке примыкала пряжка длиной 19,5 см с железной рамкой и пластинчатым язычком, сплошь украшенная круглыми бронзовыми с насечка-

Деревянное дно не могилы, а гроба!

Это не наспинник, а, судя по фотографии, подол плечевой одежды, украшенный круглыми и каплевидными нашивными бляхами. Возможно, это его передняя часть.

Весь инвентарь этого погребения говорит о том, что здесь захоронен мужчина, представитель родовой верхушки или же зажиточный человек. Нельзя сказать, что это воин, хотя и есть предметы вооружения. О какой-то необычности погребения может свидетельствовать ровик вокруг могилы.

Это следы постэксгумационного жертвоприношения.

Это результаты «огневого» обезвреживания после проведения эксгумации.

Столь скудное наличие костей, вернее, костного тлена, — свидетельство эксгумации.

Пояса амурского типа — типично мужской инвентарь. Это В.Е. Медведев определил ранее в погребениях 90, 277 и 320.

Такая огромная пряжка вряд ли предназначалась для женского пояса.

ми бляшками. Под круглой бляшкой имела подвеска в виде двух двузубых колокольчиков, соединенных вверху с зубчатой рамкой. Внутри этих конусовидных подвесок сохранились полуистлевшие зерна, «запечатанные» кусочком материи. Справа к поясу был подвешен нож.

На спине одежда погребенного была украшена четырьмя круглыми выпуклыми бляшками (диаметр их 2,8—3,5 см). Бляшки залегали тыльной стороной вверх и нашивались примерно на уровне плеч (или чуть ниже) горизонтальной полосой. К наспинному украшению следует, по всей видимости, отнести 22 продолговатые бляшки-нашивки, 13 круглых небольших и две крестовидные бляшки. Продолговатые и мелкие круглые бляшки все почти залегали на 8—10 см ниже круглых крупных бляшек (ближе к ногам). Все они лежали в основном лицевой стороной вниз. В области головы обнаружены: 18 халцедоновых, две целые и четыре обломанные стеклянные бусины, здесь же залегали три серебряные серьги и пять разбитых нефритовых подвесок от серег. Справа от черепа выявлена шпилька для волос с бронзовой позолоченной головкой и железными ножками. Справа от головы — станковый орнаментированный сосуд со слегка поврежденной кромкой венчика. Под сосудом встречен фрагмент (острие) железного палаша; рядом с сосудом — железная панцирная пластина. Слева от головы положена железная пила. В области ног встречены: обломок железного, видимо, серпа, панцирная пластина, кусочек красноватого камня, бубенчик и лепной баночный сосуд. У юго-восточной половины могилы помимо названных вещей в заполнении встречена обломанная нефритовая подвеска. При зачистке дна могилы под поясом и украшениями спины найдены полоски полуистлевшей древесины. Под бляшками отмечены кусочки грубой, а также шелковой ткани и остатки меха, возможно, одежды.

После нашего разбора предлагаем цитату из книги В.Е. Медведева «Корсаковский могильник: хронология и материалы» о погребении № 90: «Заметим, что ранее погребение 90 нами было интерпретировано как женское шаманское, в котором лежали также отдельные кости одного детского скелета. Но проведенные позже костные определения показали, что в нем находились остатки двух детских костяков»⁷. Значит, женщины-шаманки здесь нет. По моему, комментарии излишни. Возможно, так же обстоит дело и с другими погребениями?

Итак, проведенный выше детальный разбор позволяет сделать вывод: описанные погребения принадлежат лицам мужского пола из зажиточных семей и все они **разрыты**. А что же в таком случае дает основание считать их шаманскими? В чем их исключительность?

Колокольчики явно относятся к *амулетам*, к тому же внутри них есть зерна, «запечатанные» кусочком материи, как и в погребении 320.

Поскольку погребение разрытое, то трудно принять изложенное о «наспинном украшении» за истину, тем более план (рис. 61 в) не позволяет это определить точно. Видно только, что бляхи и каплевидные подвески перемешаны.

О головных шпильках сказано достаточно выше.

Инвентарь явно мужской.

Явные следы дна гроба.

Основным аргументом у В.Е. Медведева в выделении шаманизма в покровской культуре являются пояса амурского типа. Интересно, почему же тогда все погребения с такими поясами, а их достаточно много, не отнесены им к шаманским? А поскольку В.Е. Медведев пишет, что количество блях в могильниках «измеряется многими сотнями экземпляров»⁸, то, значит, местное население можно назвать «народом-шаманом»? Такие выводы предполагают массовую «шаманизацию» населения. А поелику в детских погребениях встречаются не только отдельные бляхи амурского типа, но и целые «детские» пояса, то недалеко и до такого «открытия»: шаманство передавалось по наследству. Кстати, ссылаясь на Ю.В. Ионову, В.Е. Медведев пишет и об этом⁹ (но это совсем разные этносы).

А почему первоначально шаманские пояса должны были иметь именно ту форму, которую мы видим в покровской культуре? По своему устройству амурские пояса намного изящнее и совершеннее, чем пояса шаманов (рис. 1). На основании чего пояса амурского типа считаются шаманскими? Только потому, что у них есть бубенчики или другие подвески? Тогда и воинские пояса тюркского типа также можно отнести к шаманским: и у них есть ремешки с наколочниками и проч. Кстати говоря, В.Е. Медведев и их ошибочно наделяет колокольцами и другими подвесными элементами амурского типа¹⁰. Но такого не было. Да, амурские мастера охотно оснащали свои пояса подвесками для тюркских воинских поясов: лировидными привесками, фаларами и проч. Но тюркские пояса традиций оформления не меняли, поскольку пришли из других мест, были боевыми и данью мировой моде.

Материалы раскопок свидетельствуют, что пояса амурского типа были праздничными мужскими поясами¹¹. Некорректные определения пола В.Е. Медведевым в ряде погребений выведены на основе обыденных представлений *современного* человека — находки в мужских погребениях серег, бусин и головных шпилек.

В стихотворении «Весенний пейзаж» поэт Ду Фу написал:

Хочу надеть головной убор,
Но так ослабела плоть,
И волосы так поредели мои,
Что шпилькой не заколоть.

Думаю, это достаточное свидетельство того, что определять пол на основании находок шпилек и т. п. просто некорректно, особенно, если остальной инвентарь мужской.

Немаловажно, что свои пояса, одежду и прочие детали облачения шаман должен был делать сам! По свидетельству И.А. Лопатина: «Пояс (ямха) состоит из широкого ремня, к которому пришиваются железные побрякушки... Ремень... делается из кожи лося. Побрякушки имеют вид конусов и выковываются чаще самим шаманом из железа...вес всего пояса достигает грандиозных размеров — 10 или 15 фунтов¹² [Лопатин, 1922, с. 261] (рис. 2).

А как же амурские пояса? Здесь-то мы видим *ремесленное* производство!

Интересно было бы знать, куда исчезают «шаманские пояса» (т. е. амурские) в XIII в. с появлением кремаций? Следуя рассуждениям В.Е. Медведева, вероятно, потому что сменилась религия: появился буддизм, который и привел к изменению способа погребения. Но религия не платье, которое сменил, когда захотел.

Обратимся к другому труду В.Е. Медведева «Приамурье в конце I — начале II тысячелетия»¹³ и посмотрим, что же он пишет по поводу шаманизма. Заодно и прокомментируем.

Рис. 1.

Рис. 2.

...погребальные обряды чжурчжэней Приамурья показывают, что подавляющее большинство среди погребений с четко установленным обрядом принадлежит трупоположениям. А это значит, что погребения, с положенными к умершим различными вещами, а также с остатками погребальных кострищ и поминальных тризн на могилах принадлежат людям, придерживавшимся шаманского культа. Известно, что одной из основных идей, заложенных в погребальных ритуалах шаманистов, является идея о продолжении жизни покойных в загробном мире.

Особенно большой интерес представляют открытые в Корсаковском могильнике женские погребения. Женщины-шаманки были не только у чжурчжэней, вернее, сохранились у них как особый институт женского шаманства, поскольку в древности, как гласят предания многих народов, первыми шаманами являлись представительницы женского пола.

Корсаковские средневековые погребения, отнесенные к числу шаманских, содержат, как правило, большое количество различных вещей, пояса. В некоторых из них встречены нагрудные и наспинные нашивки, представляющие собой детали шаманского костюма, являвшегося «материальным выражением идеологии общества, его религиозных представлений». Эти погребения отличаются и рядом особенностей иного свойства, в частности глубиной, достигающей 120—135 см. Заполнение могильных ям, как правило, углистое, с обильными остатками погребальных кострищ.

Погребения ни в одном случае не потревожены, их, очевидно, оберегали или боялись. Из этнографических работ хорошо известно, что захоронения шаманов считались неприкосновенными. У эвенов, как писала У.Г. Попова, «могила шамана была запретна для посещения, особенно после трех лет со дня смерти. Мимо нее в сумерках и ночью ходить было нельзя, так как злые духи мертвых — аринкал — могли напугать, наделать вреда».

В.Е. Медведев, видимо, забывает о том, что задолго до шаманизма существовали другие культы и среди них гораздо более древний — погребальный. Как говорит С.А. Токарев: «Погребальный культ нельзя ставить на один таксономический уровень с анимизмом, магией или с культом огня, солнца. У погребального культа есть, в отличие от только что названных категорий, своя собственная основа, свои корни в определенной сфере человеческой деятельности — в обращении с покойниками. Обряды и верования, относящиеся к погребальному культу, всегда тесно между собою связаны. Хотя и сплетаясь во многих случаях с другими формами религии, особенно на поздних исторических стадиях, погребальный культ всегда сохраняет свою обособленность и самостоятельность»¹⁴.

Рассуждая, как В.Е. Медведев, можно прийти не только к значительности шаманизма, но и религии вообще. Данные археологии говорят о том, что умерших хоронили по определенным обрядам еще и в каменном веке, ведь люди умирали всегда.

О некорректном определении пола уже было сказано выше при рассмотрении погребений «шаманок», и поэтому возвращаться к этому не будем.

Опустим и ненужные рассуждения о том, чего нет в покровской культуре.

«Нагрудники» и «наспинники» не являются корректными реконструкциями и могут быть восприняты только как фантазии: автор *хочет* это видеть, дабы подкрепить свои шаткие выводы, и он это *видит*..

«Эти погребения» относятся к числу «богатых», и выведенные закономерности только подтверждают это.

Углистое заполнение — результат «огневого» обезвреживания и совсем не «погребальные кострища» (на них должны были бы сжигать умерших).

А вот погребения как раз-то и потревожены и очень сильно. Где же целые скелеты *in situ*? Где же целые черепа? Почему нет многих костей и даже тлена их? Истлеть бесследно за этот срок они не могли! Это объясняется эксгумациями. О какой же «неприкосновенности» могил можно говорить в таком случае? А эксгумации совершались именно после 3—5 лет после погребения. И тем более, как могли погребения шаманов находиться среди могил сородичей?

Есть и другие особенные черты у названных погребений. Так, в погребении № 90, выявленном под мощной галечной засыпкой, в области бедер костяка лежали две человеческие челюсти, а у ног — лошадиная фаланга (бабка), в могиле найдена также двухголовая антропоморфная подвеска.

В погребении № 320 под черепом умершей лежали полуистлевшие трубчатые кости, а рядом с бедром — зуб человека. Погребение окольцовано ровиком, представляющим собой остаток, возможно, ограды или другой наземной конструкции, чего не было у иных захоронений. Эти не совсем обычные находки, лежавшие вместе с остатками умерших (антропоморфная подвеска, челюсти и зубы человека, лошадиная бабка и другие кости), представляли собой, возможно, своеобразные амулеты, были, видимо, атрибутами шамана и выполняли сакральные, магические функции. Такая семантика названных принадлежностей шаманок вряд ли может быть подвергнута сомнению, как и семантика различного рода металлических зоо- и антропоморфных подвесок (бубенцов, колокольчиков, конусовидных предметов) шаманского пояса — онгонов, вместилищ духов — помощников шамана.

По существующим представлениям, шаман слыл человеком исключительным и, поскольку общался с духами и чертями, то был наделен силой, опасной для окружающих. Поэтому шаманов и хоронить-то предпочитали отдельно, ни в коем случае не на общем кладбище, поскольку он мог быть опасен для душ своих же сородичей. Так, например, И.В. Асеев отмечает, что в кротовской культуре среди могильников «...или несколько в стороне от них встречаются погребения, в целом этнически связанные с могильником, но в то же время резко отличающиеся своей индивидуальностью... Из этнографических источников мы знаем, что на вершину сопки уносили и там хоронили или сжигали только шаманов или шаманок»¹⁵.

Интересную мысль высказал В.В. Бартольд: «Письменные источники монгольского периода ничего не говорят об обычае, который теперь также соблюдается без различия живущими в лесах шаманистами-турками и монголами, именно об устройстве для мертвых, особенно для шаманов, помостов или полетай на деревьях»¹⁶.

Ю.С. Худяков и М.В. Карпекина пишут: «Основным источником для изучения южносибирского шаманизма, включая культовую атрибутику, служат этнографические материалы. Возможности ретроспективного анализа этих данных довольно ограничены, поскольку известные сведения о шаманизме в средневековых письменных источниках очень фрагментарны, а археологические находки, которые можно с уверенностью идентифицировать с атрибутами шаманского культа, довольно редки. Это связано с особенностями шаманского

Особенные черты? Эти две человеческие челюсти принадлежат двум погребенным в могиле № 90. Лошадиная бабка — детская игрушка. Двухголовую антропоморфную подвеску в опубликованных материалах найти не удалось. Возможно, это фитоморфная ременная подвеска или двурогое кресало? Нечто похожее на антропоморфную вещь есть, но отнюдь не с двумя головами.

Ранее в этом погребении «хозяин» определялся как «погребенный», теперь — умершая. Странно. Тем более, что первое определение верно.

Судя по очертаниям могильной ямы, вполне возможно, что этот «ровик» представляет истинную границу верха могилы.

Ничего удивительного, что под черепом лежали полуистлевшие трубчатые кости, а рядом с бедром зуб человека. Это естественные результаты эксгумации.

Это даже не фантазия, а полное непонимание В.Е. Медведевым ситуации в могиле, раскопанной самим же В.Е. Медведевым. Ситуация трактуется так, как выгодно интерпретатору.

Возможно, в погребении натурального шамана эта семантика и не подвергалась бы сомнению...

Дальнейшие рассуждения можно просто опустить, как не имеющие никакого отношения к рассматриваемому предмету.

Нет шаманов, и говорить не о чем!

погребального обряда, в частности, передачей шаманских атрибутов по наследству, запретом класть шаманские принадлежности в могилу и т. д.»¹⁷.

Как сказано выше, к числу древнейших форм религии относится погребальный культ, который гораздо древнее шаманизма. И только много лет спустя после становления последнего шаманы взяли в свои руки «проводы умерших на тот свет».

Изучая погребальный обряд покровцев, в частности эксгумацию, мы видим, казалось бы, совершенно варварское обращение с покойными, при котором уничтожали черепа или лицевую часть их, выбрасывали из могил скелеты, или уничтожали кости верхнего пояса. Как пишет С.В. Дмитриев: «Расчленение трупа на части и дальнейшее сожжение его — одно из самых страшных видов наказания, так как после этого, по традиционным воззрениям *шаманистов* (курсив мой. — Ю.В.), теряется возможность к возрождению как в мире мертвых, так и возможность воскрешения в мире этом. Отсутствие даже одной кости, например от мизинца, не дает этому совершиться, и покойник находится в стадии незавершенного обряда... Уходя в «тот мир», человек может вернуться в новой ипостаси. Условием его возвращения является обычно (или чаще всего) непоколебленность костяка, наличие всех костей скелета в целом, нераздробленном, неразрушенном виде»¹⁸.

Судите сами, есть ли основания утверждать наличие шаманизма и мифических женщин-шаманок в покровской культуре? По-моему, все эти утверждения В.Е. Медведева построены на том же грунте, что и могилы в Корсаковском могильнике. Приведенные доказательства — плод фантазии и совсем не лишнее свидетельство того, что в покровской культуре время шаманизма еще, возможно, не пришло. А если он и был, то никакого отношения к погребальному культу не имел.

¹ Арсенев В.К. По Уссурийскому краю. Хабаровск, 1948. Т. 1. С. 31.

² Там же. С. 182.

³ Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 220.

⁴ Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Учен. зап. ист.-филол. факультета в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. Т. 1. С. 3.

⁵ Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия. Новосибирск, 1986. С. 150—153. К проблеме женского шаманства (женщины-шаманки у чжурчжэней) // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. М., 1987. С. 253.

⁶ Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск, 1982. С. 93, 115—116, 121—124.

⁷ Медведев В.Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск, 1991. С. 35.

⁸ Медведев В.Е. Приамурье... С. 106

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ Медведев В.Е. Опыт реконструкции поясов чжурчжэньского времени // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 154—159.

¹¹ Васильев Ю.М. Поясные наборы покровской культуры как исторический источник // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток, 1990. С. 122—146.

¹² Медведев В.Е. Приамурье... С. 150—151.

¹³ Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские. Владивосток, 1922. С. 261.

¹⁴ Медведев В.Е. Приамурье... С. 150—151.

¹⁵ Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 210.

¹⁶ Асеев И.В. Археологический материал как источник отражения некоторых аспектов шаманизма // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 134—135.

¹⁷ Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. 4. С. 388.

¹⁸ Худяков Ю.С., Карпекина М.В. Реконструкция шаманского костюма из могильника Ортазы-Оба // Проблемы реконструкции в этнографии (сборник научных статей). Новосибирск, 1984. С. 94—104.

¹⁹ Дмитриев С.В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 178—190.

SUMMARY. “Shaman Burials in Pokrovka Culture” is the title of the article by Candidate of Historical Sciences Yuri Vasiliev, To a certain extent this article is of polemic character. The author critically considers the statements of archaeologist V.E. Medvedev about shaman burials of Pokrovka archaeological culture.